

Максим Горький

Пропагандист

Максим Горький

Пропагандист

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2136445

Аннотация

«Ночь. Сквозь тьму идёт на публику человек, в зубах его – папироса, вспыхивая, она освещает молодое задумчивое лицо...»

Содержание

Пропагандист идёт на работу	6
Праздничный день в фабричном селе	7
Ночью	15
В городе	24
Забастовка	29
Через два дня	37

Максим Горький

Пропагандист

Анфиса – вдова рабочего. Торгует сладостями. Лет 40, но ещё хорошо сохранилась.

Морозов – сын её. Юноша лет 20. Скромный. Серьёзное, задумчивое лицо.

Соколов – его товарищ. Весёлый, сильный, ловкий парень, лет 25.

Петя – юноша, слесарь.

Бобров – чернорабочий, гуляка.

Сомов – кузнец. Алкоголик. Мрачная фигура. Сутулый. Бородатое лицо.

Сомов – сын его, молотобоец. Неуклюжий парень, ленивые движения, угрюмое, некрасивое лицо.

Лидия – учительница. Лет 30. Красивое холодное лицо.

Соня – сирота, её ученица. 15–16 лет. Бойкая, шаловливая, гибкая, точно кошка.

Бармин – лавочник.

Вера – его дочь. Лет 19. Резкое, грубоватое, но очень красивое лицо. Прямой взгляд.

Углов – шпион.

Медников – полицейский.

Туркин – табельщик. Щеголевато одет, смешон, суетлив, лет 24.

Лукин – пропагандист.

Пропагандист идёт на работу

Ночь. Сквозь тьму идёт на публику человек, в зубах его – папироса, вспыхивая, она освещает молодое задумчивое лицо.

Ночь. Тёмное здание фабрики, дома фабричного села; к ним издали, по полю, двигается красная искра папиросы.

Праздничный день в фабричном селе

Площадь перед церковью. Полдень. Кончилась обедня, из церкви выходит народ: служащие фабрики, пожилые рабочие, старики, старухи, бабы с детьми; расходятся по домам; некоторые останавливаются на площади, образуются группы, рассматривают сходящих с церковной паперти.

Лавочник Бармин, лет 50, кругленький, с ласковым лицом, прищуренными глазками; Вера, дочь его, девушка лет 19, одета крикливо, безвкусно, красивое, надменное лицо; Туркин, табельщик, маленький, тощий щёголь, с эспаньолкой; держится заискивающе пред лавочником; суетлив, ухаживает за Верой. Часть рабочих кланяется лавочнику почти-тельно, некоторые смотрят на него угрюмо, враждебно.

С паперти сходит Лидия, учительница, скромно одета, лет под 30, серьёзное лицо; стоит, пропуская мимо себя учеников школы. Туркин, подмигивая в сторону Лидии, что-то говорит Бармину, лавочник смеётся. Вера смотрит на Лидию враждебно, нервно играет зонтом.

Другая часть площади. Фасад трактира Бармина, рядом его же лавка. Перед трактиром стоят торговки съестным: пирогами, калачами; среди них – Анфиса, она торгует орехами, семенами подсолнуха, сладостями. Около её лотка – мальчиш-

ки, девочки.

Углов, бородатый человек, глаза острые, внимательные, беспокойный взгляд, натянутая улыбка. Перед ним, на козлах, большой лоток с книгами; группа молодых рабочих рассматривает книжки, покупает. Углов кричит:

– Вот – интересные книжки, дёшево продаю!

Идут Морозов, Петя с удочками; в руке Пети ведро с водой и рыбой; оба одеты не празднично, в рабочее платье.

К Лидии подбегает Соня, говорит ей тихонько, с радостью:

– Пришёл!

Лидия, улыбаясь, гладит её по голове. Мимо их проходят Бармин с дочерью, Туркин, последний говорит Вере, указывая пальцем через своё плечо, назад:

– Видите? Всегда у них секреты...

Бармину, оглядываясь:

– Опять ночью сегодня прокламации появились...

Вера, отстав от них, идёт тихо, точно крадётся, смотрит на учительницу откровенно враждебно, та отвечает ей спокойно ожидающим взглядом. Соня прижимается к ней, сердито сверкая глазёнками. Вера остановилась, несколько секунд стоит, как будто собираясь что-то сказать, затем порывисто идёт дальше. Провожая её глазами, Лидия что-то говорит Соне, та бежит.

Углов, через головы покупателей, наблюдает за Лидией и Соней. Анфиса незаметно следит за ним.

Туркин, поджидая Веру, тоже видит эту сцену, поправляет галстух, сдувает пылинки с костюма, щёлкает пальцами по рукаву пиджака.

К Морозову подбегает Соня; оглядываясь, говорит:

– В лесу, у сторожки, в пять часов!

Морозов ласково кивает головою. Соня заглядывает в ведро, суёт туда руку, Пётр не даёт ей сделать это; весело шалит; Соня брызжет водою в лица им, убегает, утащив какую-то рыбу. Смеясь, Пётр кричит что-то вслед ей, Морозов, отирая мокрое лицо, улыбается. Идут.

Вера и Туркин.

Вера. Ненавижу учительницу.

Туркин. А – ученика? А – Морозова?

Вера. Тоже. А вас – презираю...

Туркин, усмехаясь. В последние слова ваши – не верю!

Гневно взглянув на него, Вера быстро отходит прочь. Туркин сердито дёргает эспаньолку.

За огородами идёт Соколов, кудрявый, ловкий юноша, несёт на плече большую связку свежескошенной травы. К нему подбегает Соня.

– В пять часов, у сторожки, – ой, устала!

– Эх ты, стрекоза!

Соколов осыпает голову её травой.

Группа рабочих – человек десять – идёт на реку, купаться; впереди – чернорабочий Бобров, оборванный, грязный, приплясывая, играет на балалайке, – это очень весёлый человек,

беззаботный к себе самому, добрый к людям. Некоторые из рабочих уже пьяны, идут обнявшись, поют, кричат, свистят, задевают встречных. Сзади всех – кузнец Сомов, большой, волосатый человек, сильно пьяный, пытается плясать, неуклюже топает ногами, разводит руками, рукава его рубахи за сучены по локти; он в экстазе алкоголика.

Толпа окружает Туркина. Табельщик не любим рабочими, они издеваются над ним; кто-то, схватив конец галстуха, срывает его с шеи Туркина; пытаюсь отнять галстух, Туркин смешно подпрыгивает, все смеются над ним, а кузнец, ничего не видя, всё пляшет в стороне, один. Вырвав галстух, Туркин бежит прочь, наткнулся на кузнеца, тот схватил его за плечо, бессмысленно посмотрел и, оттолкнув, снова пляшет.

Николай Сомов, молотобоец, сын кузнеца, парень лет двадцати двух, неуклюжий, с тупым

лицом, маленькими глазами, стоя у ворот, смотрит на пьяные судороги отца. Мимо его идёт растрёпанный Туркин, повязывая галстух, Сомов провожает его равнодушным взглядом. Идёт Углов, катит пред собой тележку с книгами, остановился, подмигнул Сомову, тот медленно подошёл к нему.

Углов. Ночью – зайди ко мне.

Сомов кивает головою.

Чистенькая комната, на подоконниках горшки с цветами, на стене полка книг, географическая карта, охотничье ружьё, двустволка. Анфиса, Морозов с книгой в руках, пьют чай, Петя скручивает лесу удочки.

Анфиса, вздыхая, говорит:

– Этот торговец книгами всё присматривается к учительнице.

Петя. Морда у него нехорошая, собачья...

Морозов, с улыбкой. Лицо не всегда зеркало души.

На берегу реки гуляет молодёжь, рабочие, работницы. Одна группа поёт песню, пением воодушевлённо дирижирует Бобров; другая группа играет в горелки.

На песчаном холме, под соснами сидит более «чистая публика», служащие фабрики, пожилые рабочие, смотрят, как веселится молодёжь. Тут же Углов и Анфиса со своими лотками. Расхаживает полицейский Медников, грузный, сонный человек. Прислонясь к стволу сосны, стоит Туркин, пощипывая эспаньолку, морщится, наблюдая, как группа молодых конторщиков, окружив Веру, ухаживает за нею.

По реке едет лодка; гребёт молодой Сомов, на руле – Петя, в лодке – Лидия, Соня, Соколов. Лодка пристала к берегу, Соня вышла из неё, остальные поехали дальше.

Туркин смотрит из-под ладони за реку, потом подходит к Вере.

За рекою, полем, к лесу идёт человек.

Туркин – Вере, указывая за реку. Взгляните!

Вера. Что такое?

Туркин. Морозов. И учительница в ту сторону поехала...

Вера. Любите вы шпионить.

Отвернулась от него, но незаметно искоса смотрит за ре-

ку.

Соня около Анфисы, смеясь, рассказывает что-то, Анфиса слушает её улыбаясь.

Углов. А вы, барышня, не пожелали кататься?

Соня. Не пожелала. А – что?

Углов. Ничего.

Вера одна идёт берегом, смотрит за реку, лицо – печально. Шагах в пяти за нею – Туркин.

Появляется группа выпивших, буйно настроенных рабочих, среди них – кузнец Сомов, они мешают молодёжи играть, петь, гоняются за девушками; завязывается ряд ссор. Сомов дёргает и тащит куда-то Боброва, тот его отталкивает, начинается драка, Сомов бьёт своих и чужих, на него бросаются несколько человек, сталкивают в реку. Опрокидывают лоток с книгами Углова. Анфиса и Соня спешно уходят. Зрители на холме смеются, улюлюкают, стравливая дерущихся. Бежит полицейский Медников, с ним ещё двое.

Туркин, – сняв шляпу, размахивая тросточкой, идя рядом с Верой:

– Неужели вы не чувствуете, как моё сердце рвётся к вам?

Вера, нахмуясь, смотрит за реку.

Лесная поляна, полуразрушенная избушка лесника; на пороге её сидит пропагандист Лукин – тот человек, который в первой картине шёл с папиросой в зубах; он, оживлённо жестикулируя, говорит. Его внимательно слушают Морозов, Соколов и ещё человека три рабочих.

По реке едет лодка, в ней Лидия, Петя, на руле – Сомов. Пристают к берегу, выходят, Петя привязывает лодку, Лидия, пожав руку Сомова, идёт берегом.

Туркин идёт, нахлобучив шляпу на лоб, видит Лидию, прячется в кустах.

Вера сидит на сваленном дереве, чертит концом зонтика на песке буквы «В. М.» Видит Лидию, встаёт, спрашивает:

– Гуляете?

– Да.

– Морозова видели?

– Нет.

– Врёте вы, врёте!

Лидия – изумлена, возмущённо оглядывает её с головы до ног, молча идёт дальше, Вера кричит вслед ей ругательство.

Туркин из кустов наблюдает эту сцену, поспешно идёт к Вере, сдвинув шляпу на затылок, имея вид героя. Подошёл; Вера смотрит на него, сжав кулаки, слепыми от ярости глазами.

– Хотите – я ей стёкла в окнах выбью? Хотите?

– Да! О, да...

– Я для вас – на всё готов!

На корме лодки сидит молодой Сомов, курит; идёт Туркин.

– Дай огня!

– Иди сюда.

Туркин осторожно лезет в лодку, но, когда он идёт к Со-

мову, тот резким движением встаёт на ноги, нарочно покачнув лодку так, что Туркин падает за борт. Сомов хохочет. Туркин, по колена в воде, ловит свою шляпу, грозит Сомову кулаком.

Вера одна, на сломанном дереве, горько плачет.

Комната Морозова. Он спит. Анфиса сидит у его койки, смотрит в лицо сына, тихонько гладит его руку, смотрит в окно, освещённое луною. Её лицо очень грустно, – лицо матери, которая боится за сына.

Ночью

Лунная, светлая ночь. Пустынное место на берегу реки, далеко за селом. Песок, кусты ивняка. Под кустами лежит Углов; поднял голову, прислушивается, тихо свистит.

Спешно идёт молодой Сомов, смотрит в кусты, свистнул осторожно, нырнул в кустарник.

По реке тихо плывёт лодка, в ней Морозов и другие рабочие; пропагандист Лукин на корме, хорошо освещён.

Углов и Сомов смотрят на лодку. Она проехала. Углов – доволен, усмехаясь, говорит:

– Ну, спасибо! Теперь я его знаю.

Сомов просит у него денег, Углов дал ему несколько монет, уходит.

Сомов, взвешивая деньги на ладони, сердито, волком смотрит вслед ему.

С песнями, с гармоникой идёт компания молодёжи – парни, девушки, Соколов, Соня, Петя, Бобров с балалайкой. Соколов что-то видит в стороне, отстал.

Сомов стоит, закулив папиросу, считает деньги. Сзади к нему подошёл Соколов, смотрит через плечо его и вдаль, где идёт Углов.

– Что делаешь?

Сомов – вздрогнул, зажал деньги в кулак.

– Девушку поджидаю.

– А кто это идёт там?

– Не знаю. Человек.

Поговорив, Соколов идёт прочь.

Соколов бежит огородами, легко перепрыгивая через плетни. Присел, смотрит.

По улице идут: Углов, рядом с ним Бобров, наигрывая на балалайке, напевая, немножко выпивший. Видно, что Углов не доволен его компанией, он смотрит на спутника с досадой.

Огород; освещённое окно дома; к окну подкрадывается Соколов.

Маленькая комната. Углов, пред зеркалом, поспешно сбривает бороду, моет лицо, быстро одевается, уходит.

Соколов идёт пустынной улицей, из-за угла ему преграждает дорогу кузнец Сомов, пьяный; схватил его:

– Стой! Кто таков?

Борются...

Здание школы. Пять окон, одно, крайнее, освещено.

Против школы, на берегу реки, недостроенный дом – бревенчатые стены без крыши, окна без рам, груда досок, стружки, щепки. За досками прячется Туркин. Встал; оглядываясь, вышел на дорогу, размахнулся, бросил камнем в освещённое окно школы. Бежит на постройку, прячется в стенах её.

Рама разбитого окна открывается, в окне – фигура и лицо Лидии, учительница смотрит на дорогу.

Шатаясь, размахивая кулаками, идёт кузнец Сомов, звон разбитых стёкол остановил его, он остановился у постройки.

Закрыв окно, Лидия занавесила его тёмной шалью.

Кузнец идёт к постройке, выскакивает Туркин, бежит, кузнец смотрит вслед ему.

Из ворот школы выходит Лидия, её внимание привлёк шум шагов бегущего, смотрит вдаль, спрашивает кузнеца:

– Это вы разбили стёкла или тот?

– Не знаю. Пьян. Я давно пьян, лет двадцать. Мне – скучно. Я – драться хочу!

Лидия ушла; кузнец, пошатываясь, закуривает папиросу, бросает в стружки зажжённую спичку, идёт.

На выходе из села в кустарнике спрятался Углов; мимо его проходит Соколов, смотрит вдаль, остановился; постояв, быстро идёт назад.

У недостроенного дома разгораются стружки, щепка.

Пожар. Сбегается народ; огонь гасят неохотно; большинство равнодушно смотрит, как некоторые пытаются затоптать ногами горящие стружки, растаскивают доски. Прибежали Бармин и Вера – это их постройка горит; Вера удовлетворённо смотрит на разбитые стёкла в окне школы. Является Туркин, его костюм сзади в стружках, он подмигивает Вере на окно, она указывает ему на испачканный костюм, посылает его гасить огонь.

Прибежали Морозов, Петя, Бобров, энергично принялись за борьбу с огнём, Туркин помогает им неумело, напоминая

работу клоуна.

Едет пожарная дружина: три бочки, насос. Насос – рваный, вода вырывается струйками из шланга, льётся на огонь бессильной, тонкой струёй. Зрителей это смешит. Пришёл полицейский Медников, разгоняет народ.

Прибежала Соня, спрашивает Веру:

– Подожгли?

– Конечно. Слушай, Соня: я подарю тебе на платье, – скажи: учительница влюблена в Морозова?

Соня удивлена вопросом, смотрит на Веру, с досадой пожимая плечом, отвечает:

– Ты спроси её об этом...

Пожар становится тише. Зрители, позёвывая, расходятся. Лавочник Бармин благодарит Морозова за работу.

Вера – Морозову.

– Какой вы сильный, ловкий.

Морозов, улыбаясь, молчит.

– Но уж очень серьёзный. Не знаю, как говорить с вами.

– Говорите, как со всеми...

Идут к школе Лидия, Соколов; Соколов рассказывает учительнице об Углове, жестом показывая, как тот брил бороду.

– Я пошёл за ним, но потерял его из виду.

Заметив Морозова рядом с Верой, зовёт его.

Морозов идёт на зов товарища, Вера протянула ему руку, он, смеясь, показал, что его рука в саже, ушёл. Рука Веры медленно опускается; она с ненавистью смотрит в сторону

ШКОЛЫ.

Бармин – Вере. Ловок Морозов, а – не люблю я его.

Вера. Школе бы сгореть.

Бармин. Школу – жаль, а вот учительницу выгнать бы: она людей портит.

Подошёл полицейский Медников, Бармин разговаривает с ним; Вера смотрит на Лидию, Морозова и Соколова. Вдруг решительно идёт к ним.

Вера – Лидии.

– Мне нужно поговорить с вами.

Лидия приглашает её войти в школу. Уходят. Соколов и Морозов озабоченно продолжают беседовать.

Комната Лидии, чистенькая, скромная. На стене карта Европы, фотографии, полка книг. Лидия сидит у стола, Вера нервно ходит по комнате.

– Я хочу, чтоб вы приняли меня в вашу компанию. Я – злая, грубая, но это надоело мне. Я хочу быть иной. Мне – скучно. Мне так скучно, что я могу сделать бог знает что...

Поле за селом; едут в трёх экипажах жандармы, их сопровождает отряд казаков, человек десять.

Улицей села идут Морозов, Соколов; Соколов говорит:

– Итак – ты идёшь в город и скажешь Лукину, чтоб он не являлся сюда, пока мы его не позовём.

Схватил Морозова за плечо, смотрит вдаль, прислушивается.

Комната Лидии. Вера, стоя среди её, смотрит на учитель-

ницу исподлобья, недоверчиво; спрашивает:

– Чего вы хотите?

– Научить людей жить более разумно.

Стучат в окно; Лидия отдёргивает шаль, которой занавешены разбитые стёкла, в окне встревоженное лицо Соколова, он что-то шепчет, исчезает.

Лидия – Вере. Уходите, Вера; ко мне, кажется, приехали гости.

Вера – усмехаясь. Ночью-то?

Лидия. Они всегда приходят ночью.

Вера, обиженная, уходит; в двери сталкивается с Соней, оглянулась на Лидию.

Лидия быстро достаёт из ящика стола маленькую брошюру, суёт её Соне:

– Уходи, беги, спрячь!

В двери – жандарм. Соня успевает спрятать брошюру за карту Европы. Один за другим в комнату входят жандармы; Соня смотрит на них так комически испуганно, что некоторые из них не могут скрыть невольной улыбки.

Обыск. Распоряжается молодой щеголеватый жандармский офицер, сидя у стола. Лидия спокойно стоит у окна, равнодушно глядя, как жандармы сносят книги с полки на стол, где офицер просматривает их; смотрят в печь, выстукивают стены, пол, ищут тайников. Соня суетится среди них, показывая, что происходящее очень интересует её, играет роль наивного подростка, сделала глуповатое лицо. Незамет-

но вытащила брошюру из-за карты Европы и так же незаметно сунула её в карман шинели полицейского Медникова, который стоит у двери, как деревянный, и упорно, неподвижным взглядом идиота смотрит на офицера за столом.

Вера около сгоревшей постройки следит за окнами школы, в них мелькают тени; Вера – довольна, улыбается, отирает рот платком. Подкрался Туркин, убеждает её уйти, она смеётся:

– Какой вы трус!

Обыск кончен. Офицер, кивнув Лидии головою, сухо говорит:

– Извиняюсь за беспокойство, но – долг службы.

Жандармы уходят. Медников отдаёт офицеру честь, вытянувшись, свирепо шевеля усами. Соня, приплясывая, натягивает нос вслед ушедшим жандармам; рассказывает Лидии, как она спрятала брошюру, Лидия улыбается, но – обеспокоена, выпроваживает Соню из комнаты...

Вера наблюдает, как жандармы выходят из школы, хмурится, видя, что учительницы нет среди них.

По улице ведут человек десять арестованных; среди них: Петя, молодой Сомов, они окружены казаками, жандармами. Арестованных сопровождают родственники, любопытные, в окнах домов – головы сонных зрителей. Уже светло, раннее утро. Медников, провожая арестантов, отгоняет публику, размахивает не обнажённой шашкой, кричит. Сзади всех идёт кузнец Сомов с палкой в руке; когда под ноги ему

попадает камень или ком земли, он отбрасывает его сердитым пинком.

Двое жандармов выводят со двора Морозова, включают его в общую группу арестованных. Морозова сопровождают Анфиса, Соня; Соня плачет.

Кузнец Сомов схватил Анфису за плечо, кричит:

– Уважаю твоего сына! Поняла?

Из-за угла выходят Вера, Туркин. Увидав Морозова, Вера вздрогнула, остановилась, закрыла глаза. Потом, сжав зубы, идёт вслед группе, Туркин старается удержать её. Она идёт, как во сне.

Арестованных вывели за пределы села. Медников остановился, устало вздыхает, достал кисет с табаком. Сунул руку в карман, вытащил брошюру, недоумевая, разглядывает её, приложив к глазу кулак трубкой, шевелит губами, пытаюсь прочитать заголовок. Смотрит в небо, соображая. Оторвал от книжки кусок бумаги, сунул её в карман, свёртывает из бумаги папиросу. Курит, смотрит вдаль.

Идут Вера, Туркин, их сопровождает Бобров. Медников, приложив руку к фуражке, заговаривает с Верой.

Туркин. Надо было учительницу арестовать!

Медников. Всех арестуем!

На них угрюмо лезет кузнец Сомов, кричит:

– Радуетесь? Рада, лавочница?

Медников отгоняет его прочь, тыкая концом шашки в живот. Бобров хохочет. Сомов идёт дальше в поле, ругаясь, гро-

зя кулаком.

Идут в село Медников и Бобров, дружески разговаривая. К ним подбежала Соня, идёт рядом, спрашивает Медникова о чём-то, вытаскивает из кармана его шинели книжку; кивнула им головою, отбегает в сторону, рассматривает книжку, видит, что она изорвана, – очень огорчилась.

Бобров – Медникову.

– Дай табаку!

Медников даёт ему кисет, суёт руку в карман за бумагой, удивлён; выворачивает карман наизнанку.

– Бумаги у меня нет, потерял.

– Хвали бога, что голову не потерял, голова у тебя лёгкая!

В городе

Утро. Глухая, безлюдная улица; сады, заборы. Дворник метёт панель.

Из калитки в заборе выходит пропагандист Лукин, идёт.

На углу оживлённой улицы – бородатый извозчик; сидя на козлах экипажа, он внимательно, исподлобья рассматривает прохожих. Видит Лукина, глаза его блеснули. Предлагает Лукину свои услуги. Торгуются. Лукин сел в экипаж. Едут.

Лошадь извозчика вдруг взбесилась, понесла. Извозчик, делая усилия сдерживать лошадь, ещё более горячит её. Лукин готов выскочить из экипажа, но лошадь круто сворачивает во двор полицейского дома; извозчик кричит, на Лукина бросаются полицейские, хватают его; извозчик, сидя на козлах, смеётся.

В маленькой комнате полицейского дома извозчик раздевается, снимает бороду, это – Углов. Он очень доволен, кланяется своему отражению в зеркале.

Кабинет жандармского офицера; офицер, сидя за столом, пишет; у стола – молодой Сомов, говорит. Офицер подаёт ему бумагу, Сомов, стоя, наклоняется, подписывает, высушив язык.

Офицер. Ты будешь получать двадцать рублей в месяц. Знай, что ты у меня – не один, и всё, что ты будешь делать, будет известно мне. Ступай!

Сомов низко кланяется, уходит.

Собрание группы революционеров, человек пять-шесть. Соколов предлагает им устроить освобождение Лукина, говорит очень горячо.

Камера тюрьмы. Лукин, лёжа на койке, стучит пальцем в стену, ведёт беседу по слуховой азбуке.

Другая камера. Морозов, стоя у окна, читает книгу; окно значительно выше его головы. Прислушивается, подходит к стене, отвечает на стук.

Городской сад. На скамье сидят Анфиса с узелком в руках, Соня, Соколов, – скручивает маленький кусок бумаги в трубку, толщиной не более спички, даёт её Соне.

– Попробуйте, стрекоза, передать Морозову.

Анфиса, качая головой.

– Пропадёте вы все...

Соколов. Смотрите на жизнь веселее, и всё будет хорошо!

Поле за городом. Здание тюрьмы, ограждённое каменной стеною; из-за стен видно четыре круглые башни. Поле идет Вера, смотрит на тюрьму.

Пред воротами тюрьмы – группа родственников заключённых ожидает свиданий. Соня, Анфиса, кузнец Сомов, трезвый, умыт, но лицо всё-таки чёрное, и на нём ярко выделяются странно расширенные глаза психически ненормального человека. У ворот стоят двое часовых.

Ворота открываются; волнение ожидающих свиданий.

Усмехаясь, из ворот выходит молодой Сомов.

Анфиса. Выпустили тебя?

Сомов. Скоро всех выпустят.

Его окружают. Соня смотрит на него радостно, дёргает за рукав, Сомов разглядывает её, облизывая губы языком. Отец с размаху бьёт его по плечу, говорит:

– Я – пьяница, но я понимаю, что ты сидел в тюрьме за честное, рабочее дело, за правду! Идём в трактир, выпьем!

Подходит Вера; спрашивает Сомова, кузнец издевается над нею, Соня отвернулась в сторону, очень демонстративно. Анфиса говорит с Верою ласково.

Комната для свиданий заключённых с родственниками; комнату разделяет решётка из толстой проволоки. По одну сторону решётки Соня, Анфиса, – Петя и Морозов по другую. Ещё несколько пар. Стоит тюремный надзиратель с револьвером у пояса, с часами в руке; ему скучно, позёвывает.

Соня просовывает Морозову сквозь решётку записку, свёрнутую трубочкой.

Тюремный двор; прогулка арестованных. Вдоль каменной стены ходит Лукин, вдоль другой, под углом к Лукину – гуляет Морозов. За каждым из них следит надзиратель, но они разговаривают посредством азбуки глухонемых.

Ночь. Фасад тюрьмы. В одном из окон мелькает огонёк папиросы, пишет в воздухе:

«Всё готово».

Поле за тюрьмой. Анфиса стоит неподвижно, смотрит в

небо, шевелит губами, видимо – молится.

Раннее утро. На углу пустынной улицы человек десять маляров готовятся красить двухэтажный, видимо, нежилой дом. Ставят лестницы, тащат доски для лесов, работают не торопясь. Ими лениво командует бородатый человек, в фуражке, надвинутой на глаза, в белом переднике, обрызганном краской. Он смотрит на часы и вдоль улицы, прислушивается.

Едет карета с решётками в окнах, запряжённая парой старых лошадей; на козлах маленький старичок-кучер, рядом с ним – солидный жандарм, шашка через плечо, револьвер у пояса.

Человек в переднике взмахивает рукою; маляры начинают работать быстрее, один из них бежит за угол; оттуда выезжает огромный воз сена; правит им человек, притворяющийся пьяным. Воз встал поперёк улицы, преграждая дорогу появившейся карете. Маляры окружили воз, издеваются над пьяным, стаскивают его с воза.

Жандарм, сидя на козлах, волнуется, ругает пьяного, маляров; одни из них окружили карету, другие, якобы стараясь поворотить воз, выпрягли лошадь, толкают воз, направляя его на карету. Пред мордами её лошадей падают лестницы, доски; лошади пятятся, но сзади под колёса кареты подброшены доски, в колёса сунуты малярные кисти. Человек в переднике бегаёт с ведром в руках, указывая жестами, что надо делать малярам.

Жандарм соскочил с козел, – человек в переднике надел на голову ему ведро, двое других схватили за руки. К ручке ведра привязана длинная верёвка, ею связывают руки жандарма за спиной, – получается очень смешная фигура. Револьвер жандарма вынули из кобуры. Жандарма кладут на землю. Стащили старика-кучера, сунули ему в рот клочок сена, связали, положили к забору.

В то же время сзади кареты открывается дверца, выскакивает другой жандарм с револьвером в руке; человек в переднике бьёт его по руке малярной кистью, револьвер выбит, тычет кистью в лицо, окрашивает его. Маляры хватают ослеплённого жандарма, вяжут. Человек сорвал с себя передник, маляры окутывают им голову жандарма.

Из кареты выскакивает Лукин, человек в переднике хватается за руку, срывает с себя бороду, это – Соколов. Смеясь, они оба прыгают через забор, исчезают.

Маляры опрокидывают воз сена к забору на связанных жандармов, разбегаются в разные стороны, сбрасывая с себя испачканные краской пиджаки и фуражки, вынимая из карманов и надевая другие фуражки, шляпы. Все быстро исчезли.

Три лошади дружески жуют сено; сено бурно шевелится, но это не пугает лошадей.

Забастовка

В маленькой комнате у окна сидит Туркин, играя на гитаре. Лицо – унылое. Перестал играть, ходит по комнате, взволнованно жестикулируя, остановился перед зеркалом, рассматривает своё лицо, – недоволен. Послюнив палец, приглаживает мохнатые брови, подкручивает усики; всячески старается придать лицу выражение очаровательное. Взбивает волосы – лицо становится испуганным. С огорчением плюёт на пол. Надел шляпу, уходит.

Внутренность трактира. В углу за столом Бобров и молодой Сомов играют в карты. Подходит отец Сомова, с похмелья, просит на выпивку у сына. Тот вынул из кармана кошелёк, даёт отцу бумажный рубль. Бобров смотрит неодобрительно. Кузнец отошёл к буфету.

Бобров. Ты что же не работаешь?

Сомов. Рука болит. Плечо.

Сомов смотрит на часы; он чем-то обеспокоен.

Входит Туркин, садится у окна. Ему подают полубутылку водки, закуску.

Площадь. В дверях лавки Бармина задумчиво стоит Вера. Площадью идёт Соня.

Внутри лавки. Вера отпускает Соне сахар, взвешивая его на весах.

Вера. Что ж, выпустили из тюрьмы возлюбленного твое-

го?

Соня. У тебя только глупости на уме.

Вера смеётся, поддразнивает Соню, та, оскорблённая, уходит.

Трактир. Сомов бросил карты, торопливо расплачивается с Бобровым, уходит. Бобров, пряча деньги в карман, смотрит вслед ему, прищурился глазами, задумчиво.

Площадь. Соню остановил Соколов в рабочем платье, с молотом на плече. Разговаривают. К ним подходит молодой Сомов. Соколов критически осматривает его.

– Гуляешь? До свидания, стрекоза!

Соколов идёт прочь от них, Сомов спрашивает:

– Куда он?

– Говорить о забастовке, на фабрику.

Идут; Сомов вынимает из кармана горсть орехов, угощает Соню, любезничает с нею, она смеётся.

Трактир. Туркин налил рюмку водки, встал, показывает рюмку в окно, пьёт.

– За ваше здоровье, Вера!

Садится, снова наливает водки.

Берегом реки идёт нищий, старик с котомкой на спине, с палкой в руке.

Двор фабрики, заваленный бочками, ящиками, ржавым железом, частями машин. Группа рабочих, человек пятнадцать, среди них кузнец Сомов, Морозов говорит речь, подходит Соколов.

Берег реки. Бобров, с топором в руке, насвистывая, осматривает дно лодки. Мимо него проходит странник, кланяется. Бобров кивнул ему головою, наклонился над лодкой. Вдруг выпрямился и смотрит вслед страннику, что-то припоминая.

Из трактира через площадь идёт Туркин, пьяный. На крыльце лавки стоит Вера. Туркин снял шляпу, кланяется ей, пошатнулся.

– Здравствуйте, Верочка! Погубили вы меня, а?

Вера, брезгливо взглянув на него, ушла в лавку.

На площадь выбегают из улицы подростки, рабочие с фабрики кричат:

– Забастовка!

Спешно идёт Бобров с топором в руке.

Морозов в лавке, покупает продукты; Вера кокетничает с ним; озабоченный, рассеянный, он не замечает этого, уходит. Вера стучит кулаком по прилавку, шепчет в отчаянии и озлоблении:

– Не нравлюсь...

Морозов идёт площадью, встречу ему – Туркин, остановился, рычит:

– Р-рр.

Недоумевая, Морозов смотрит на него:

– Что?

Туркин, пошатываясь, размахивает руками, оскалил зубы, рычит:

– Арестант. Ненавижу.

Морозов отстранил его рукою, идёт. Вера из двери лавки видит эту сцену.

Сад. Забор. У забора стоят, глядя в щель, Бобров и Анфиса. Бобров, мягко улыбаясь:

– Трудно тебе? Боишься за сына?

Анфиса. Что делать? Дети хотят жить лучше, чем жили мы.

Под кустами на берегу реки сидит странник, чертит палкой на песке. Около него падает ком земли, он вскочил, оглянулся.

Бобров, держа в руке ком земли, спрашивает Анфису:

– Он?

– Он. Глаза – его... А это кто идёт?

Идёт молодой Сомов, из кустов высунулась палка, коснулась его ноги, Сомов, вздрогнув, остановился, видит бородатое лицо странника, ругается, грозит кулаком. Странник улыбается:

– Не узнал?

Сомов испуганно оглядывается.

– Я думал, ты не придёшь.

Странник, усмехаясь, говорит:

– Я уж давно здесь люблюсь вами, черти.

Площадь заполнена рабочими. Женщины недовольны забастовкой, ссорятся с мужьями. Соколов, как всегда, весёлый, уговаривает недовольных, его слушают внимательно. Морозов, стоя на чём-то, выше людей, говорит речь. С

крыльца лавки им любит Вера. Идёт стороною, осторожно, полицейский Медников.

В улице, выходящей на площадь, Соню остановил Туркин, растрёпанный, без шляпы; держит Соню за руку и, дирижируя другою рукой, поёт ей песню. На глазах его слёзы, он смешон и жалок. Соня вырывается от него, смеясь.

На площади. Бобров и Анфиса торопливо, озабоченно разговаривают с Соколовым. Он слушает их нахмуясь. Мимо бежит Петя, Соколов остановил его, говорит:

– Устрой сейчас же прогулку в лодках, пригласи Сомова-сына, приезжайте к лесному оврагу, – знаешь куда? Живо!

Петя убегает. Соколов и Бобров хотят идти, Анфиса удерживает Соколова:

– Что ты хочешь делать?

– Всё, что следует, мамаша.

Поспешно уходит.

Медленно идёт Анфиса, остановилась, крестится; шепчет:

– Господи, не дай одолеть врагам правды!

У неё слёзы на глазах.

Внутри обгоревшей постройки, в углу, молодой Сомов и странник; странник, держа Сомова за плечо, говорит:

– Я иду в город. Утром снова буду здесь. Гляди в оба...

Поправляет котомку за плечами, выглядывает на берег реки, уходит.

Бобров и кузнец Сомов. Бобров говорит:

– Выследили шпиона, надо поймать, идём!

– Шпион? Убью!

На выходе из села, среди кустарника, прячутся двое рабочих.

Берегом идёт группа рабочих; часть их и Сомов-сын садятся в лодку, остальные трое идут дальше.

За селом идёт странник, подозрительно поглядывая на придорожный кустарник, на плетни.

Из кустов выезжает на дорогу лошадь, запряжённая в телегу, на телеге двое, один – правит лошадью, другой сидит на задке. Испуганный странник остановился, взмахнул палкой. Из кустов выпрыгнули двое людей, накинули на голову странника мешок, повалили его на землю, вяжут.

Лесной овраг. Горит костёр. Странник – без шапки, без бороды, это Углов – привязан к дереву. У костра сидят четверо рабочих, молчат, мрачно глядя в огонь. Углов возится, пытается отвязаться. Один из рабочих встал, подошёл к нему, смотрит, крепко ли он привязан. Углов спрашивает, искривив лицо усмешкой:

– Что ж вы будете делать со мною?

Рабочий отходит, не ответив, не взглянув на него. Углов медленно опускает голову.

Пришёл Соколов, с ним кузнец Сомов, он бросается к шпиону с криком:

– Удавлю!

Его удерживают, он борется. Углов, тоже извиваясь, кри-

чит:

– Убить вы меня не смеее!

Вздрогнул, замер, прислушивается; все рабочие тоже слушают, сумрачно переглядываясь, глядя в одну сторону. Соколов схватился за голову, лицо его исказилось. Сомов неотрывно смотрит на шпиона, стоя против его.

К костру весело, с песней подходят трое рабочих, один – с гармоникой в руках. Впереди всех, приплясывая, Сомов. Видит Углова – остолбенел, остановился, на лице – ужас. Рабочие, пришедшие с ним, ничего не понимая, но чувствуя драму, тоже замерли на месте.

Углов, бешено извиваясь, кричит Сомову:

– Подлец, это ты выдал меня! Слушайте – он тоже служит в полиции, не верьте ему...

Соколов говорит, объясняя рабочим в чём дело, указывая на Углова, Сомова. Кузнец, дико вытаращив глаза, смотрит на сына, на Соколова, на суровые лица рабочих, опускается на землю, качая головой, рычит.

Молодой Сомов бросился бежать, перескочил через костёр, запнулся за ноги отца, упал. Его схватили. Борьба.

Сомов-отец, схватив толстый сук, с размаха бьёт по голове шпиона, Углов осел к земле, повис на верёвках.

Соколов вырвал сук у Сомова, кузнец бросается на Соколова, – у него припадок буйного помешательства; страшный, с пеною у рта, он вырывается из рук рабочих и всё смотрит на шпиона. Кузнеца связали, положили на землю, он изви-

вается.

Сомов-сын в ужасе смотрит на муки отца, вырвался из рук рабочего, который держал его, упал на колени:

– Не убивайте меня...

Рабочие, стоя тесной группой, тихо совещаются, никто из них не смотрит на Сомова. Бородатый рабочий подошёл к Углову, пощупал его, с отчаянием, безнадёжно махнул рукою.

Костёр горит всё более слабо, почти погас. Сомов-сын падает лицом в землю, отец всё возится на земле. Неподвижно стоит, совещаясь, группа рабочих.

Через два дня

Площадь. Всюду стоят небольшие группы рабочих; некоторые сидят на крыльце трактира, сидят и лежат на земле, под заборами. Едет патруль казаков, разгоняет группы, взмахивая нагайками.

На крыльце лавки Бармина Вера разговаривает с казачьим офицером. Тут же, у крыльца, сидит, жуёт соломинку Туркин; костюм измят, лицо опухшее, унылое. Рядом с ним Бобров, наигрывает на балалайке, прислушиваясь к беседе Веры с казаком.

Дом сельского правления, занятый жандармами. У крыльца – часовые, солдаты.

С крыльца сходит полицейский Медников, щека у него подвязана, болят зубы. За ним двое полицейских ведут кузнеца Сомова, руки его связаны за спиною, лицо – бессмысленное, безумное.

Бежит Петя; подбежал к группе рабочих:

– Морозова арестовали. И весь стачечный комитет...

Среди рабочих – волнение; Петю окружают человек двадцать.

Солдаты и жандармы выводят на площадь Морозова и ещё пятерых рабочих. Вера испуганно смотрит с крыльца, офицер, смеясь, указывает ей на арестованных, тронул коня, отъезжает.

Из улицы, вслед арестованным, идёт толпа рабочих, настроенная бурно. Анфиса. К ней подходят рабочие, выражая сочувствие. Она говорит:

– Он сам выбрал эту дорогу.

К толпе подбегает Вера и с большою силой говорит рабочим:

– Что же вы не защищаете защитников ваших? Вас – тысячи.

Её неожиданное вмешательство сначала вызывает недоверие и насмешки рабочих, но скоро зажигает в них чувство протеста. Толпа увеличивается, волнение всё сильнее.

Двое жандармов ведут Соколова, весёлого, как всегда. Толпа преграждает им дорогу. Вера кричит, указывая на Соколова:

– И этого взяли! Не стыдно вам?

Соколов остановился, удивлённо смотрит на Веру, жандармы грубо толкают его, он упал, катится под ноги рабочих. Поняв его намерение, рабочие сгрудиваются теснее вокруг жандармов, стискивая их так, чтоб они не могли действовать оружием.

В то же время толпа, расступаясь, открывает дорогу Соколову, он, согнувшись и на четвереньках, бежит к воротам дома, возбуждая сдержанный смех рабочих; они двигаются вместе с ним, прикрывая его. Анфиса, схватив Соколова за руку, увлекает его за собою во двор дома.

Кто-то поднял Веру на руки, посадил её на плечо себе, и

она, возвышаясь над толпою, говорит, указывая на дом, занятый жандармами.

Скачут пятеро казаков, врезались в толпу, бьют людей нагайками, но быстро исчезают, сорванные с лошадей.

Из толпы выскочила испуганная лошадь, мчится прочь. Бобров бьёт её по крупу балалайкой, балалайка сломалась, Бобров смотрит с досадой на гриф, оставшийся в руке его.

Комната Анфисы; быстро переодевается Соколов; Анфиса, помогая ему, торопит:

– Скорей! Беги. Лесом...

Из окна дома жандармский и казачий офицера стреляют в толпу, рабочие бросают в них камнями, палками; вышибли револьвер из руки офицера.

Лавочник Бармин торопливо запирает двери лавки.

Со стороны фабрики бежит отряд солдат, впереди – унтер-офицер с обнажённой шашкой. Припадая на колени, солдаты стреляют.

С другой стороны на площадь выскочило человек десять казаков, они бьют людей шашками плашмя.

Толпа мечется по площади, тает, люди прыгают через заборы, скрываются во дворах домов.

На крыше лавки – Бармин, сидит верхом на коньке, размахивая руками, как бесноватый, кричит:

– Бей, бей!

Быстро бежит Анфиса, увлекая за собою Соню; Соня прихрамывает, лицо её искажено болью. Подбежал Бобров, по-

могает Анфисе.

Бобров. Ранили?

Соня. Ушибли.

Пьяный Туркин, стоя на крыльце трактира, поёт. Вдруг что-то увидал, бежит с лестницы.

Площадь опустела; в разных местах её лежат убитые: четыре трупа мужчин, женщина, мальчик. Ползёт человек с перебитой ногою.

Вера хочет подняться с земли и не может. К ней подбежал Туркин.

Бармин смотрит с крыши, наклонясь, рискуя упасть, кричит, ползёт по крыше, скрывается...

Солдаты, казаки, жандармы столпились пред крыльцом дома, затылками на площадь. Жандармский офицер, стоя на крыльце, говорит им что-то, они строятся. В окне – казачий офицер, угрюмый, мундир изорван, в пыли.

Бежит Бармин, спотыкаясь; отталкивает Туркина, поднимает с земли дочь, хочет увести её; она стоит, глядя в окна дома, куда увели Морозова. Она – ранена. Едва держится на ногах. Туркин, сидя на земле, смотрит на неё глазами преданной собаки, лицо его в пьяных слезах. Бьёт себя в грудь руками, что-то говорит.

Из дома выводят арестованных рабочих во главе с Морозовым. Их тесно окружает конвой солдат.

Поравнявшись с Верой, Морозов вздрогнул, приостановился, снял фуражку, Вера улыбается ему, протянув руку,

почти падая. Бармин грозит арестованным кулаком. Турки-на оттолкнули, опрокинули солдаты; он встаёт на ноги, идёт в цепь конвоя:

– Ар-рестуйте.

Конвойные отталкивают его, толкают Морозова; он всё-таки успел пожать руку Веры. Идут дальше. Рабочие снимают шапки, видя убитых.

Вера смотрит вслед им, медленно идя с отцом к лавке, страдальчески улыбается.

Дом, где жил Морозов. У ворот стоит Анфиса, в окне лица Сони и Пети.

Ведут арестованных. Анфиса низко кланяется им. Соня высунулась из окна, кричит:

– До свидания, милые!

Один из конвойных, ругаясь, прицеливается в неё, она исчезает.

Анфиса стоит у ворот, глядя вдаль. Подошёл Бобров.

– Что, мать?

Бобров гладит её плечо, она уклоняется от его ласки, глядя вдаль.